

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО, МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 347.415

DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-4-455-464

УСТУПКА ТРЕБОВАНИЯ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВУ, В КОТОРОМ ЛИЧНОСТЬ КРЕДИТОРА ИМЕЕТ СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДОЛЖНИКА

МАРЦУН Андрей Алексеевич*

✉ martsun.andrey@mail.ru

Пр. Губкина, 1, Омск, 644040, Россия

***Аннотация.** Пленумом Верховного Суда РФ было принято постановление от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки», в котором изложены важные разъяснения относительно применения норм, содержащихся в данной главе. Вместе с тем вышеуказанным постановлением разрешены далеко не все вопросы, связанные с уступкой требования. Одним из таких вопросов является определение термина «существенное значение личности кредитора» либо приблизительных критериев такого значения в контексте необходимости получения согласия последнего на уступку права. На наличие данной проблемы справедливо указывается и в научной литературе [3, с. 549–655, 688–713].*

Автором рассматриваются Модельные правила европейского частного права и принципы УНИДРУА в целях поиска решения проблемы. Обращено внимание на проблему определения существенного значения кредитора для должника при уступке права требования, а также на последствия совершения уступки без согласия должника по обязательству, в котором личность кредитора имела существенное значение.

По мнению автора, личность кредитора признается для должника существенной, когда имеющаяся между должником и кредитором связь возникла в результате заключения сделки, обладающей лично-доверительным характером, либо если связь возникла при заключении иных сделок в случае, когда разрыв связи при совершении уступки права влечет или может повлечь значительное лишение для должника того, на что он был вправе рассчитывать при заключении сделки с кредитором.

Кроме того, рассмотрены ситуации, являющиеся исключением из презумпции отсутствия существенного значения личности кредитора для уступки прав требования по денежным обязательствам.

Автором также указывается, что последствием совершения сделки по уступке права без согласия должника в контексте п. 2 ст. 388 ГК РФ является ничтожность сделки на основании п. 2 ст. 168 ГК РФ.

***Ключевые слова:** цессия, существенное значение личности кредитора, фидуциарная сделка, обязательство, цедент, цессионарий.*

* Ведущий юрист-консульт договорно-претензионного отдела Правового управления АО «Газпромнефть-ОМПЗ», магистр права.

Assignment of a Claim Under an Obligation in Which the Identity of the Obligee Is Essential for the Obligor

Martsun Andrei A.**

✉ martsun.andrey@mail.ru

1 Gubkina ave., Omsk, 644040, Russia

Abstract. *The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation adopted a resolution of December 21, 2017 No. 54 “On some issues of application of the provisions of Chapter 24 of the Civil Code of the Russian Federation on the change of persons in an obligation on the basis of a transaction”, which sets out important clarifications regarding the application standards contained in this chapter. At the same time, not all issues related to the assignment of the claim were resolved by the above resolution. One of these issues is the definition of the term “essential value of the identity of the creditor” or approximate criteria for such a value in the context of the need to obtain the latter’s consent to the assignment of rights. The presence of this problem is rightly indicated in the scientific literature [3, p. 549–655, 688–713].*

The Author examines the Model Rules of European Private Law and the UNIDROIT principles in order to find a solution to the problem. Attention is drawn to the problem of determining the essential value of the creditor for the debtor in the case of assignment of the right of claim, as well as to the consequences of making the assignment without the consent of the debtor under an obligation in which the identity of the creditor was essential.

In the Author’s opinion, the identity of the creditor is recognized as essential for the debtor when the connection between the debtor and the creditor arose as a result of the conclusion of a transaction that has a personally-confidential nature, or if the connection arose during the conclusion of other transactions in the case when the connection was broken during the execution assignment of rights entails or may entail a significant deprivation for the debtor of what he had the right to count on when concluding a transaction with the creditor.

In addition, situations are considered that are an exception to the presumption of the absence of a significant value of the creditor’s personality for the assignment of claims for monetary obligations.

The author also points out that the consequence of the transaction on the assignment of rights without the consent of the debtor in the context of paragraph 2 of Art. 388 of the Civil Code of the Russian Federation is the nullity of the transaction on the basis of paragraph 2 of Art. 168 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: *cession, materiality of creditor’s personality, fiduciary deal, the obligation, the assignor, the assignee.*

Относительно обозначенной проблемы Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»¹ (далее – постановление № 54) было отмечено следующее.

В соответствии с п. 10 постановления № 54 при оценке того, имеет ли личность кредитора в обязательстве существенное значение для должника, для целей применения п. 2 ст. 388 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) необходимо исходить из существа обязательства. Если стороны установили в договоре, что личность кредитора имеет существенное значение для должника, однако это не вытекает из существа возникшего на основа-

нии этого договора обязательства, то подобные условия следует квалифицировать как запрет на уступку прав по договору без согласия должника (п. 2 ст. 382 ГК РФ).

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ дает установку судам анализировать обязательство, возникшее между cedentом и должником, однако не приводит даже примера, когда личность кредитора имеет существенное значение для должника.

Судебная практика сводится к тому, что в подавляющем числе случаев совершения уступки личность кредитора для должника не имела существенного значения, даже если должник ссылается на данное обстоятельство. Однако в большинстве судебных актов суды лишь формально ссылаются на несущественность личности кредитора для

** Lead Counsel of the Contract and Claim Department of Legal Management JSC “Gazpromneft-Omsk Refinery”, Master of Law.

¹ *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации.* 2018. № 3.

должника, не приводя мотивы, исходя из которых был сделан такой вывод.

По нашему мнению, Верховный Суд РФ в постановлении № 54 правильно предлагает судам исходить из существа обязательства для целей применения п. 2 ст. 388 ГК РФ, поскольку имеется необходимость исследовать взаимосвязь в обязательстве, которая сложилась между должником и цедентом, в каждом конкретном случае.

Решение проблемы определения существенного значения кредитора для должника при уступке права требования носит явный практический характер, поскольку у участников гражданского оборота отсутствуют четкие критерии существенности личности кредитора, что создает риски признания сделок по уступке прав недействительными по причине совершения их без согласия должника. Такое положение дел создает неопределенность и неустойчивость оборота прав. При этом возникают ситуации, когда суды в сходных случаях могут по-разному определить, является ли личность кредитора существенной для должника.

Для иллюстрации вышесказанного приведем пример, связанный с уступкой прав требования по договорам банковского счета и вклада.

Индивидуальный предприниматель Терехов А. С. обратился в Арбитражный суд Ростовской области с иском к ОАО «Акционерный коммерческий банк содействия коммерции и бизнесу» о взыскании 1 000 000 рублей депозита в размере неснижаемого остатка и 149 562 рублей 84 копеек начисленных на эту сумму процентов, право требовать которые перешло ему на основании договора уступки права, заключенного с организацией.

Отказывая в удовлетворении требований, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа отметил следующее. В отношениях банка и вкладчика личность вкладчика имеет для банка существенное значение. Если вкладчиком является юридическое лицо, то переоформление прав вкладчика с юридического лица на физическое лицо требует закрытия счета по депозиту юридического лица, заключения договора по депозиту с физическим лицом и открытия нового счета по депозиту физическому лицу, к которому согласно п. 3 ст. 834 ГК РФ применяются правила о договоре банковского счета (гл. 45), если иное не предусмотрено правилами данной главы или не вытекает из суще-

ства договора банковского вклада. При открытии счета по депозиту в соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона от 7 августа 2011 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»² банк обязан идентифицировать клиента, а согласно п. 5 этой же статьи кредитным организациям запрещается открывать счета (вклады) физическим лицам без личного присутствия лица, открывающего счет (вклад), либо его представителя, поэтому у банка должно быть запрошено согласие на уступку требования по договору депозита, после его получения новые вкладчики должны явиться в банк для подписания договора банковского вклада³.

В другом деле Верховный Суд РФ указал, что действующее законодательство не содержит положений, препятствующих передаче прав по договору банковского счета, в частности, ввиду отсутствия как неразрывной связи прав по такому обязательству с личностью кредитора, так и существенного значения личности кредитора для должника в рамках названной договорной конструкции (ст. 383, п. 2 ст. 388, ст. 845 ГК РФ) в связи с чем, такая уступка права является действительной [7].

Существо обязательств в приведенных спорах не содержит принципиальных различий, однако судами сделаны совершенно противоположные выводы, что говорит о непредсказуемости последствий совершения сделок по уступке права без согласия должника в контексте п. 2 ст. 388 ГК РФ в отсутствие критериев определения существенности личности для должника.

В Модельных правилах европейского частного права и в Принципах УНИДРУА также отсутствуют решения рассматриваемой проблемы. Модельные правила запрещают цессию в тех случаях, когда в силу существа исполнения или отношений с должником и кредитором от должника нельзя разумно требовать предоставления исполнения кому-либо, кроме кредитора (п. 1 ст. III.-5:109) [12].

В Принципах УНИДРУА указано, что согласие должника необходимо получить, если обязательство в конкретных обстоятельствах в существенном объеме имеет личный характер (п. 2 ст. 9.1.7) [8]. В целях определения ситуаций для применения п. 2 ст. 388 ГК РФ необходимо

² Рос. газ. 2001. 9 авг.

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 17 окт. 2014 г. по делу № А53-25091/2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

понимать, что означает «существенное значение» личности кредитора для должника.

С. В. Сарбаш, приводя пример существенности личности кредитора для должника, предположил, что должник, исходя из характера договорного обязательства, не вступил в это обязательственное отношение, если бы на стороне кредитора участвовал другой субъект, другое лицо [11].

Такие обязательственные правоотношения возникают из фидуциарных сделок. Фидуциарные сделки (от лат. *fiducia* – доверие) – это сделки, основанные на особых, лично-доверительных отношениях сторон. Утрата сторонами такого характера взаимоотношений дает возможность любой из них в одностороннем порядке отказаться от исполнения сделки (например, в договоре поручения как поверенный, так и доверитель вправе в любое время отказаться от его исполнения без указания мотивов) [10].

Классическими примерами фидуциарных сделок являются договор о совместной деятельности (договор простого товарищества), договор поручения, договор дарения. Поскольку стороны, заключая такие сделки, исходят из существенного для них значения контрагента в силу доверительных отношений, то смена кредитора для каждой из сторон, по нашему мнению, должна происходить исключительно с их согласия.

Как указывает В. А. Белов, в абз. 2 п. 2 ст. 617 ГК РФ содержится возможность присутствия личного элемента в договоре аренды. Далее он пишет: «...по существу, перед нами частный случай гипотезы п. 2 ст. 388, т. е. случая, в котором личность арендатора как “кредитора” (или, вернее, управомоченного лица) имеет существенное значение для арендодателя как субъекта, обязанного претерпевать разного рода неудобства, сопряженные с пользованием его имуществом» [1].

Признание личности кредитора существенной для должника в обязательствах, возникающих из фидуциарных сделок, осуществляется и на уровне судебной практики. В подтверждение своей позиции отмечаем п. 4 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25 июля 2000 г. № 56 «Обзор практики разрешения арбитражными судами споров, связанных с договорами на участие в строительстве», в котором указана невозможность совершения уступки права по договору о совместной деятельности

без согласия должника, поскольку личность его участника имеет существенное значение⁴. Действительно, в договоре простого товарищества связь между его участниками является практически неразрывной, что, например, подтверждается тем, что по общему правилу смерть одного из товарищей влечет прекращение всего договора (п. 1 ст. 1050 ГК РФ), поэтому, изменение кредитора невозможно без согласия всех участников простого товарищества.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что существенность личности кредитора может определяться при вступлении в обязательственное правоотношение, вытекающие из сделок, имеющих личный характер.

Разумеется, существенность личности кредитора для должника может определяться не только при заключении сделок, но и в ходе их исполнения.

Цессией является сделка по замене кредитора, когда такая замена происходит по воле первоначального кредитора (цедента) и нового кредитора (цессионария) [2]. При совершении уступки права не предполагается замена стороны по сделке, в двусторонних сделках у цедента остается обязанность исполнения встречного обязательства в пользу должника.

При этом сделка может включать неразрывное двустороннее обязательство, под которым понимается невозможность исполнения кредитором (цедентом) обязательства в случае уступки своего права другому лицу, в связи с чем совершение такой уступки права будет в значительной степени лишать должника того, на что он рассчитывал, следовательно, личность первоначального кредитора будет иметь для должника существенное значение.

Данное утверждение следует рассмотреть на примере случая из судебной практики.

Между сторонами спора было заключено мировое соглашение, в соответствии с которым ответчик обязан передать истцу исключительное право на товарный знак, а истец – заключить с ответчиком лицензионный договор, предоставляющий последнему право использования данного товарного знака. В последующем истец заключил с индивидуальным предпринимателем соглашение об уступке права требовать передачи исключительного права на товарный знак. Индивидуальный предприниматель обратился

⁴ Вестник ВАС РФ. 2000. № 9.

в суд с заявлением о процессуальном правопреемстве, в котором ему было отказано в силу следующего.

Как отметил суд, отчуждение товарного знака истцом в пользу предпринимателя приводит к тому, что ответчик лишается возможности получить право использования (по лицензионному договору) спорного товарного знака, поскольку исключительное право на товарный знак в результате такого отчуждения не принадлежит лицу, которое должно стать лицензиаром. В связи с установленными обстоятельствами суд пришел к выводу о том, что в силу содержания утвержденного судом мирового соглашения личность лица, которому ответчик передает исключительное право на товарный знак, имеет для него существенное значение, поскольку в силу особенностей рассматриваемого правоотношения именно истец должен предоставить ответчику встречное исполнение в виде предоставления права использования по лицензионному договору отчуждаемого по мировому соглашению товарного знака.

На основании изложенного судом сделка по уступке права требования была признана недействительной в силу п. 2 ст. 168 ГК РФ⁵.

Таким образом, полагаем, что существенность личности кредитора присутствует для должника и в том случае, когда в результате совершения цессии он лишается возможности получить встречное удовлетворение от cedента в рамках существовавшего между ними обязательства.

В обязательствах, не связанных с денежным исполнением, ситуации, когда личность кредитора будет иметь существенное значение для должника, представить гораздо легче, чем в обязательствах, связанных с денежным исполнением. Проанализировав сложившуюся судебную практику, можно посчитать, что по общему правилу личность кредитора не имеет значения для уступки прав требования по денежным обязательствам. Такой же вывод сделан Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в определении от 22 октября 2013 г. № 64-КГ13-7⁶. Аналогичного мнения придерживаются и большинство научных исследователей в частности, В. В. Почуйкин, В. В. Витрянский, Л. А. Новоселова [9].

Однако в судебной практике встречаются исключения из вышеуказанного общего правила. Рассмотрим один из таких примеров.

Акционерное общество «Ставропольская ГРЭС» обратилось в Арбитражный суд Карачаево-Черкесской Республики с иском к акционерному обществу «Карачаево-Черкесскэнерго» о взыскании пеней за просрочку платежей за потребленную электроэнергию. Судом требование было удовлетворено. В последующем в рамках исполнительного производства АО «Ставропольская ГРЭС» уступило право требовать задолженность гражданину Н. Г. Украинскому. Отказывая в совершении правопреемства Президиум Верховного Арбитражного Суда РФ указал, что особый характер отношений сторон, определенных названным договором (целевой характер получаемых прежним кредитором средств, предусмотренная договорами возможность погашения задолженности посредством внутриотраслевых взаимозачетов, совершения компенсационных сделок и т. д.), указывает на существенное значение связей именно кредитора и должника. В силу этого уступка не могла быть совершена без согласия последнего⁷.

В данном деле следует особое внимание уделить такому обстоятельству, выделенному судом и влекущему существенность личности кредитора для должника, как целевой характер денежных средств, передаваемых кредитору, поскольку данное обстоятельство может ярко продемонстрировать, когда личность кредитора будет являться существенной для должника в обязательствах с денежным исполнением.

Не про каждый случай получения кредитором денежных средств с целевым назначением можно говорить о существенном значении кредитора для должника. Полагаем, что целевой характер денежных средств влияет на значение личности кредитора только тогда, когда денежные средства передаются кредитору в целях исполнения последним принятого на себя обязательства.

Приведем пример.

Между обществом (заказчик) и предприятием (подрядчик) заключен договор строительного подряда, в соответствии с которым заказчик осуществляет авансирование выполняемых работ. Договором предусмотрено, что денежные

⁵ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25 янв. 2019 г. по делу № СИП-615/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 24 дек. 2002 г. № 10424/02 // Вестник ВАС РФ. 2003. № 4.

средства, перечисляемые в качестве аванса, обладают целевым назначением – для приобретения необходимых материалов, оплаты работ субподрядчиков, аренды строительной техники. Денежные средства перечисляются подрядчику на счет в определенном банке, который осуществляет мониторинг их расходования в рамках договора банковского сопровождения.

Полагаем, что в таком случае уступка подрядчиком требования об уплате аванса другому лицу влечет значительный риск для должника, выражающийся в вероятном неисполнении в полном объеме обязательств подрядчиком в результате получения денежных средств, предназначенных для исполнения обязательства определенным лицом (подрядчиком), иным субъектом. У должника могут возникнуть вполне обоснованные опасения, что кредитор не сможет приобрести материалы, арендовать технику, оплатить работы субподрядчиков, а также в целом выполнить работы по договору. При этом полученные денежные средства от цессионария за уступаемое требование cedent вправе расходовать по своему усмотрению, в том числе не связанному с исполнением обязательства перед заказчиком.

В связи с совершением такой уступки требования должник может быть значительно лишен того, на что он рассчитывал, поэтому личность первоначального кредитора для него приобретает существенное значение.

В ситуации, когда денежные средства предназначены для оплаты уже выполненных работ, оказанных услуг, поставленного товара и т. д., для должника не имеет значения, кому осуществлять исполнение: первоначальному кредитору или иному лицу, к которому перешло право требовать оплату.

Рассмотрим данное утверждение в плоскости исполнения государственных и муниципальных контрактов.

Ранее суды учитывали позицию Минфина России, изложенную в письме от 11 марта 2015 г. № 02-02-08/12916, и считали, что для заказчика имеет существенное значение то, кому именно он должен платить, а значит, без согласия заказчика уступить требование по оплате в рамках государственного или муниципального контракта не допускалось. Указанный вывод, например, содержится в определении Верховного Суда РФ

от 4 июля 2016 г. № 310-ЭС16-7341 по делу № А23-3851/2015⁸.

В последующем подход в судебной практике был изменен. Верховным Судом РФ был выпущен Обзор судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденный Президиумом 28 июня 2017 г.⁹ В пункте 17 данного обзора утверждена позиция о том, что уступка поставщиком (подрядчиком, исполнителем) третьему лицу права требования к заказчику об исполнении денежного обязательства не противоречит законодательству Российской Федерации.

В качестве примера Верховным Судом РФ было приведено дело, в котором поставщик уступил обществу право требования уплаты задолженности по государственному контракту на поставку товаров к заказчику.

Заказчик, возражая против удовлетворения требования, указывал на ничтожность цессии в связи с недопустимостью уступки прав по государственному (муниципальным) контрактам третьим лицам. Кроме того, заказчик указал на существенность личности кредитора, мотивируя это требованиями бюджетного законодательства, в силу которых при подтверждении денежного обязательства и санкционировании оплаты проводится проверка соответствия получателя данным, указанным в контракте и реестре контрактов. Внесение изменений в данные о контрагенте, предоставленные ранее и позволяющие осуществить санкционирование расходов в случае уступки, не предусмотрено бюджетным законодательством Российской Федерации.

Судами апелляционной и кассационной инстанций было отказано в удовлетворении требования общества о взыскании денежных средств с заказчика. Суды исходили из того, что для передачи права требования оплаты долга по государственным (муниципальным) контрактам необходимо наличие согласия должника-заказчика ввиду того, что в данном обязательстве личность кредитора имеет существенное значение (п. 2 ст. 388 ГК РФ).

Однако Верховный Суд РФ отменил судебные акты и оставил в силе решение суда первой инстанции, отметив, что необходимость внесения изменений в документацию, сопровождающую

⁸ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ *Бюллетень* Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 12.

совершение расчетных операций, не может служить обстоятельством, свидетельствующим о существенном значении личности кредитора для должника.

Таким образом, Верховный Суд РФ установил, что даже при целевом расходовании денежных средств (в качестве платы определенному кредитору), для должника не имеет значения, кому осуществлять денежное исполнение за выполненные работы, оказанные услуги или поставленный товар. Полагаем, что такой подход применим не только к отношениям, вытекающим из исполнения государственных и муниципальных контрактов, но и к иным отношениям, поскольку права должника в этом случае нарушаться не будут.

В судебной практике и юридической литературе распространено мнение, что cedentu необходимо получать согласие должника при уступке права по обязательствам, связанным с адресной государственной поддержкой. Так, Р. С. Зардов указывает, что в группу обязательств, где существенное значение личности кредитора для должника обусловлено целевым характером предмета уступаемого обязательства, могут быть отнесены обязательства, в той или иной степени связанные с адресной государственной поддержкой (субсидии, льготы по оплате услуг отдельным категориям населения) [4].

Арбитражный суд Дальневосточного округа в постановлении от 19 февраля 2018 г. № Ф03-78/2018¹⁰ по делу о взыскании субсидии, право на которую было уступлено истцу, указал следующее. Статьей 34 Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ) установлен принцип результативности и эффективности использования бюджетных средств, который означает, что при составлении и исполнении бюджетов участники бюджетного процесса в рамках предоставленных им бюджетных полномочий должны исходить из необходимости достижения заданных результатов с использованием наименьшего объема средств или достижения наилучшего результата с использованием определенного бюджетом объема средств.

Правила, регламентирующие возможность уступки прав требования по расходным обязательствам публично-правового образования, порядок внесения изменений в данные о контрагенте, позволяющие осуществить санкциони-

рование расходов, не предусмотрены бюджетным законодательством Российской Федерации.

Согласно ст. 6 БК РФ субсидиями являются бюджетные средства, предоставляемые бюджету другого уровня бюджетной системы Российской Федерации, физическому или юридическому лицу на условиях долевого финансирования целевых расходов федеральными целевыми программами, федеральными законами, региональными целевыми программами и законами субъектов Российской Федерации.

В силу ст. 28 БК РФ одним из принципов бюджетной системы Российской Федерации является принцип адресности и целевого характера бюджетных средств.

В силу положений ст. 38 БК РФ бюджетные средства выделяются в распоряжение конкретных получателей бюджетных средств с указанием о направлении их на финансирование конкретных целей, а любые действия, приводящие к нарушению адресности либо к направлению бюджетных средств на цели, не названные в бюджете при выделении конкретных сумм, являются незаконными. Любые действия, приводящие к нарушению адресности предусмотренных бюджетом средств либо к направлению их на цели, не обозначенные в бюджете при выделении конкретных сумм, являются нарушением бюджетного законодательства Российской Федерации. Личность кредитора по таким обязательствам имеет существенное значение для должника.

Аналогичное по обстоятельствам дело было рассмотрено и Верховным Судом РФ, который в определении от 12 октября 2015 г. № 302-КГ15-12434 по делу № А33-17233/2014¹¹ выразил согласие с нижестоящими инстанциями в том, что по обязательствам, связанным с уплатой целевых бюджетных средств (субсидий), личность кредитора имеет существенное значение, в связи с чем необходимо согласие должника на совершение цессии.

В свою очередь мы полагаем, что такой подход не является правильным, поскольку по смыслу ст. 382 ГК РФ уступка права допускается из гражданских обязательств. Отношения, возникающие по поводу предоставления государственной (муниципальной) поддержки, не относятся ни к числу гражданских обязательств, ни к основаниям возникновения гражданских

¹⁰ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

прав и обязанностей, возможность передачи права требования, вытекающего из публично-правовых отношений по сделке (уступке права требования), регулируемой гражданским законодательством, бюджетным законодательством не предусмотрена.

Таким образом, независимо от получения согласия должника на ее совершение, такая сделка по уступке права противоречит как бюджетному законодательству в силу императивности норм, содержащихся в нем, не предусматривающему применение института перемены лиц в обязательстве, так и гражданскому законодательству, регулирующему гражданские правоотношения, коими отношения по получению государственной адресной поддержки не являются.

Допускаем, что уступка требования по денежным обязательствам может осуществляться с согласия должника не только в обязательствах, в которых денежные средства перечисляются кредитору для исполнения им встречного обязательства, но и в иных случаях.

Подводя итог нашего исследования в рамках первой поставленной проблемы относительно определения существенности личности кредитора для должника, считаем, что личность кредитора признается для должника существенной, когда имеющаяся между должником и кредитором связь возникла в результате заключения сделки, обладающей лично-доверительным характером, либо если связь возникла при заключении иных сделок в случае, когда разрыв связи при совершении уступки права влечет или может повлечь значительное лишение для должника того, на что он был вправе рассчитывать при заключении сделки с кредитором, в частности, если при совершении сделки по уступке требования возникает реальная невозможность исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части или возникает риск неисполнения/ненадлежащего исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части.

Относительно последствий совершения сделки по уступке права без согласия должника по обязательству, в котором для последнего личность кредитора имеет существенное значение, представляется, что существуют два варианта решения указанной проблемы.

По мнению авторов комментариев к постановлению Пленума Верховного Суда Российской

Федерации № 54 [5, 6], в данной ситуации должна применяться ст. 173¹ ГК РФ о совершении сделки без согласия третьего лица, требуемого в силу закона. Следовательно, сделка может быть признана недействительной, только если должником будет доказано, что цессионарий знал или должен был знать о необходимости такого согласия и его отсутствии. Авторы комментариев считают, что при подобном подходе добросовестный цессионарий получает достаточно надежную защиту, с чем трудно не согласиться.

Однако на должника ложится практически непосильное бремя доказывания. Во-первых, должник обязан доказать суду, что в обязательстве личность кредитора имела для него существенное значение. Во-вторых, должник обязан доказать, что о существенном значении для него цедента знал и цессионарий. С учетом того, что понятие «существенное значение» в контексте п. 2 ст. 388 ГК РФ является оценочным, без четких критериев его определения, доказывание должником второго обстоятельства становится практически невозможным, так как цессионарий мог из известных ему фактов вполне обоснованно предполагать, что личность цедента не имеет существенного значения для должника.

Полагаем, что применение первого варианта будет существенно нарушать принцип недопустимости ухудшения положения должника при совершении уступки права требования. Указанный принцип является базовым, основополагающим принципом цессионного права. Верховный Суд РФ указал, что этот принцип следует из идей равенства участников гражданских отношений, свободы договора, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав (п. 1 ст. 1 ГК РФ)¹².

Другим вариантом решения обозначенной проблемы видится признание сделки по уступке права, совершенной без согласия должника, ничтожной, поскольку нарушается явно выраженный запрет, установленный законодательством. По смыслу п. 2 ст. 388 ГК РФ словосочетание «не допускается» явно выражает запрет на совершение уступки права без согласия должника в случаях, когда личность цедента имеет для него существенное значение.

В соответствии с п. 75 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений

¹² *Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25 сент. 2015 г. № 307-ЭС15-6545. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».*

раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹³ сделка, при совершении которой был нарушен явно выраженный запрет, установленный законом, является ничтожной как посягающая на публичные интересы. При применении судами в таких случаях п. 2 ст. 168 ГК РФ защита должника будет обеспечена должным образом, поскольку на нем не будет лежать чрезмерное бремя доказывания, а цессионарий, в свою очередь, не лишен права потребовать от cedента возврата полученного по сделке.

В настоящее время судебная практика идет по пути применения п. 2 ст. 168 ГК РФ. Например, это можно увидеть в ранее рассмотренном постановлении Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25 января 2019 г. по делу № СИП-615/2015.

Подводя итог, констатируем, что для устранения имеющейся проблемы, связанной с определением существенности личности кредитора для должника, а также с определением последствий совершения уступки права без согласия должника в контексте п. 2 ст. 388 ГК РФ Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» необходимо изменить пункт 10 и изложить его в следующей редакции:

«Личность кредитора признается для должника существенной, когда имеющаяся между должником и кредитором связь возникла в результате заключения сделки, обладающей лично-доверительным характером, либо если связь возникла при заключении иных сделок в случае, когда разрыв связи при совершении уступки права влечет или может повлечь значитель-

ное лишение для должника того, на что он был вправе рассчитывать при заключении сделки с кредитором, в частности, если при совершении сделки по уступке требования возникает реальная невозможность исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части или возникает риск неисполнения/ненадлежащего исполнения кредитором встречного обязательства полностью или в части.

При оценке того, имеет ли личность кредитора в обязательстве существенное значение для должника, для целей применения пункта 2 статьи 388 ГК РФ необходимо исходить из существа обязательства.

По общему правилу, личность кредитора не имеет значения для уступки прав требования по денежным обязательствам. Судам необходимо учитывать, что исключения из приведенного правила должны приниматься с учетом абзаца первого настоящего пункта. Например, личность кредитора признается существенной для должника, когда денежные средства предназначаются кредитору, в том числе в целях исполнения последним принятого на себя обязательства.

Если стороны установили в договоре, что личность кредитора имеет существенное значение для должника, однако это не вытекает из существа возникшего на основании этого договора обязательства, то подобные условия следует квалифицировать как запрет на уступку прав по договору без согласия должника (пункт 2 статьи 382 ГК РФ).

Последствием совершения сделки по уступке права требования по обязательствам, в которых личность кредитора имеет существенное значение для должника, является ее ничтожность в силу пункта 2 статьи 168 ГК РФ».

Список литературы

1. Белов В. А. Состав и система случаев-оснований возникновения права одностороннего отказа от договоров (обязательств) и их исполнения и одностороннего изменения их условий // Закон. 2019. № 8. С. 44–62.
2. Гражданское право : учеб. : в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017. Т. 2. 528 с.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2017. 1120 с.
4. Зардов Р. С. Критерии, влияющие на существенность личности кредитора в контексте необходимости получения согласия должника на уступку (анализ пункта 2 статьи 388 Гражданского кодекса РФ) // Право и экономика. 2018. № 5 (363). С. 31–36.
5. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» / В. В. Байбак, А. В. Ильин, А. Г. Карапетов, А. А. Павлов, С. В. Сарбаш // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 2. С. 36–92.

¹³ Рос. газ. 2015. 30 июня.

6. Комментарий к постановлению Пленума ВС РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» / В. В. Байбак, А. В. Ильин, А. Г. Карапетов, А. А. Павлов, С. В. Сарбаш // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 3. С. 80–137.
7. Обзор правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права за декабрь 2018 г. / А. Г. Карапетов, С. В. Матвиенко, А. И. Мороз, М. В. Сафонова, Е. М. Фетисова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 2. С. 37–50.
8. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА 2010). М. : Статут, 2013. 756 с.
9. Пушкина А. В. Значение личности кредитора при уступке требования // Гражданское право. 2015. № 2. С. 37–39.
10. Российское гражданское право : учеб. : в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М. : Статут, 2011. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 958 с.
11. Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. М. : Статут, 2016. 255 с.
12. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR) / ed. by C. von Bar, E. Clive, H. Schulte-Nölke [etc.]. Munich : Sellier. European Law Publishers, 2009. 650 p.

References

1. Belov V. A. Sostav i sistema sluchaev-osnovanii vozniknoveniya prava odnostoronnogo otказа ot dogovorov (obyazatel'stv) i ikh ispolneniya i odnostoronnogo izmeneniya ikh uslovii [Substantial and Systemic Characteristics of Case Grounds Giving Rise to the Right of Unilateral Termination of Contract/Obligation, Repudiation and Unilateral Modification]. *Zakon*, 2019, no. 8, pp. 44–62.
2. Gongalo B. M. (Ed.). *Grazhdanskoe pravo*. T. 2 [Civil Law. Vol. 2]. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2017. 528 p.
3. Karapetov A. G. (Ed.). *Dogovornoe i obyazatel'svennoe pravo (obshchaya chast')*: postateinyi kommentarii k stat'yam 307–453 *Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Contractual and Obligations Law (General Part): An Article-by-Article Commentary to Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, M-Logos Publ., 2017. 1120 p.
4. Zardov R. S. Kriterii, vliyayushchie na sushchestvennost' lichnosti kreditora v kontekste neobkhodimosti polucheniya soglasiya dolzhnika na ustupku (analiz punkta 2 stat'i 388 Grazhdanskogo kodeksa RF) [Criteria Affecting the Materiality of the Creditor's Personality in Terms of the Need to Obtain the Consent to the Cession (Analysis Of Paragraph 2 of Article 388 of the Civil Code of the Russian Federation)]. *Pravo i ekonomika – Pravo i Ekonomika Journal*, 2018, no. 5 (363), pp. 31–36.
5. Baibak V. V., Ilyin A. V., Karapetov A. G., Pavlov A. A., Sarbash S. V. Kommentarii k postanovleniyu Plenuma VS RF ot 21.12.2017 № 54 «O nekotorykh voprosakh primeneniya polozhenii glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o peremene lits v obyazatel'stve na osnovanii sdelki» [A Commentary on the SC RF Plenary Ruling of 21 December 2017 no. 54 “On Certain Issues in the Application of RF Civil Code Chapter 24 on Contractual Assignment of Rights and Debts Under an Obligation”]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii – Herald of Economic Justice*, 2018, no. 2, pp. 36–92.
6. Baibak V. V., Ilyin A. V., Karapetov A. G., Pavlov A. A., Sarbash S. V. Kommentarii k postanovleniyu Plenuma VS RF ot 21.12.2017 № 54 «O nekotorykh voprosakh primeneniya polozhenii glavy 24 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o peremene lits v obyazatel'stve na osnovanii sdelki» [A Commentary on the SC RF Plenary Ruling of 21 December 2017 no. 54 “On Certain Issues in the Application of RF Civil Code Chapter 24 on Contractual Assignment of Rights and Debts Under an Obligation”]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii – Herald of Economic Justice*, 2018, no. 3, pp. 80–137.
7. Karapetov A. G., Matvienko S. V., Moroz A. I., Safonova M. V., Fetisova E. M. Obzor pravovykh pozitsii Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po voprosam chastnogo prava za dekabr' 2018 g. [Digest of the Rulings of the RF Supreme Court on Private Law for December 2018]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii – Herald of Economic Justice*, 2019, no. 2, pp. 37–50.
8. *Printsipy mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov (Printsipy UNIDRUA 2010)* [Principles of International Commercial Contracts (UNIDROIT Principles 2010)]. Moscow, Statut Publ., 2013. 756 p.
9. Pushkina A. V. Znachenie lichnosti kreditora pri ustupke trebovaniya [Significance of the Personality of Creditor in Assignment Agreement]. *Grazhdanskoe pravo – Civil Law*, 2015, no. 2, pp. 37–39.
10. Sukhanov E. A. (Ed.). *Rossiiskoe grazhdanskoe pravo. T. 1: Obshchaya chast'. Veshchnoe pravo. Nasledstvennoe pravo. Intellektual'nye prava. Lichnye neimushchestvennye prava* [Russian Civil Law. General Part. Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights]. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2011. 958 p.
11. Sarbash S. V. *Elementarnaya dogmatika obyazatel'stv* [Elementary Dogmatics of Obligations]. Moscow, Statut Publ., 2016. 255 p.
12. Bar C., Clive E., Schulte-Nölke H. (Eds.). *Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR)*. Munich, Sellier. European Law Publishers, 2009. 650 p.

Дата поступления статьи | Article received date

16.03.2020

Дата поступления после рецензирования и доработки | Article after peer review and revision received date

05.05.2020, 26.10.2020

Дата приема к публикации | Article accepted date

24.11.2020